

ВАЛЕРИЙ ЧУДОВ

“РУСАЛКА”

РАССКАЗ

Переход через экватор на корабле — событие знаменательное. Чтобы оно осталось в памяти человека ярким и незабываемым, моряки обычно устраивают праздник Нептуна. Когда родилась эта традиция, не знает никто. В истории российского мореплавания “игрища” в честь Нептуна впервые проводились в 1804 году во время кругосветного путешествия Крузенштерна и Лисянского на шлюпах “Надежда” и “Нева”. Это были первые российские корабли, которые пересекли линию экватора. Спустя почти 170 лет настало время перейти экватор атомному подводному ракетноосцу...

Атомная подводная лодка, закончив боевое дежурство в Саргассовом море, вырвалась на просторы Атлантики и взяла курс на юг. У неё было ответственное задание. Переход с Северного флота на Тихоокеанский. Не всплывающая. Так, чтобы никто не обнаружил. Скрытно. И в одиночку. Попутно — десять дней патрулирования у Бермудских островов.

Над ней была толща воды в 200 метров. А под ней, на глубине в несколько километров, застыли горные хребты, долины, плоскогорья, равнины, навсегда скрытые от людского глаза. Её окружала абсолютная темнота и полное безмолвие. На тысячи миль вокруг — тишина. Она была одинока и незамечена в этом огромном водяном массиве. Океан равнодушно воспринимал её лишь как одно из многочисленных существ, обитающих в его подводном мире.

ЧУДОВ Валерий Иванович окончил Высшее военно-морское училище в Ленинграде. Служил на атомных подводных лодках Северного и Тихоокеанского флотов. В настоящее время офицер запаса. Начиная печататься как литературный переводчик. Пишет рассказы на исторические темы. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

Боевая лодка не имеет иллюминаторов, не снабжена прожекторами, она идёт под водой только по приборам, в крошечной тьме. Там, на глубине, нет качки, не ощущается движение, и если бы не слабая вибрация корпуса в энергетических отсеках, то вообще может показаться, что лодка стоит на месте. Впрочем, в жилых отсеках даже вибрация не чувствуется. Только шумит система кондиционирования, поддерживая температуру + 20 градусов по Цельсию. И лишь вахта знает, что субмарина передвигается и держит курс.

В этой огромной, трехэтажной железной “бочке” длиной 130 метров и водоизмещением 10 тысяч тонн, несли вахту, занимались боевой подготовкой, ели, отдыхали, смотрели фильмы и играли в нарды в свободное время 128 человек. Люди не обращали внимания ни на огромные массы воды над головой, ни на глубины под ногами, ни на 16 боевых ракет с ядерными боеголовками рядом с ними. Моряки просто делали свое дело. Они служили.

Старший лейтенант Дудов сидел на реакторе и курил. Правда, сидел он на маленьком складном стульчике с брезентовым сидением, который на флоте называют “баночкой”, а до крышки реактора было ещё полтора метра биологической защиты. Но это уже были тонкости. Он находился в выгородке реакторного отсека, что категорически запрещено при работающем реакторе. Даже ему, командиру седьмого реакторного отсека. Ну, а о курении даже речи не могло быть. И если бы его присутствие здесь обнаружилось, ему грозили серьёзные неприятности. Но в данный момент эти “мелочи” Дудова не волновали. Радиации он не боялся, она была в норме. Дыма от сигарет не ощущалось — вентиляторы с мощными фильтрами работали хорошо. А центральному посту сейчас до него нет никакого дела. У них — запарка. Там готовились к сеансу связи. Лодка всплыла на глубину 40 метров, и из неё выпускалась антенна в виде маленького самолётика, которая принимала сигнал из Москвы. Это была очень ответственная и нервная операция. Командиры лодок не любили работать с этой антенной, потому что были случаи, когда она обрывалась. Тогда приходилось писать объяснительные и выслушивать “нагоняи” командования. Дудов был спокоен. Вряд ли его хватятся. Все сидели по боевой тревоге. Переходы из отсека в отсек были запрещены, люки задрены.

(Справедливости ради надо сказать, что это был первый и последний раз, когда он заходил сюда при работающем реакторе.)

Инструкции на флоте пишутся кровью. В подтверждение этого следует сказать, что спустя несколько лет два офицера, никому не сказав, вошли в реакторную выгородку и больше не вышли. А ведь лодка стояла у ширса, и реактор только запускался.)

Дудов думал. Это был худощавый молодой человек двадцати пяти полных лет с симпатичным, классического типа лицом, карими глазами и каштановыми волосами. Думал он о сценарии, который ему надо было написать. Казалось бы, понятие совершенно не подходящее для боевой подводной лодки. Ан нет.

Сутки тому назад Дудов, позавтракав после смены, в предвкушении перекура и отдыха уже собирался выйти из кают-компания, когда его остановил замполит:

— Валерий Иванович, зайдите ко мне.

На подводной лодке офицеры обращались друг к другу по имени и отчеству либо просто по имени, с равными и младшими на “ты”, со старшими на “вы”. Кроме командира. Он всегда был “товарищ командир”. Для всех, от старпома до матроса. Когда Дудов после училища прибыл в экипаж и представился командиру, тот сказал: “Запомните, лейтенант, капитанов первого ранга на флоте много, а командир у вас один”.

Дудов вздохнул. Отдых откладывался. Вызов к замполиту всегда означал какое-нибудь задание, которого любой офицер старался избежать.

Замполит был достаточно высокого роста для подводной лодки, поэтому немного сутулился. У него было вытянутое, малоподвижное лицо и короткие волосы. Флегматичный по натуре, он обычно долго подходил к сути разговора, но на этот раз сразу перешёл к главному:

— Вас включили в комиссию по подготовке к празднику Нептуна, посвящённому переходу через экватор.

Дудов равнодушно пожал плечами. Включили так включили. Он уже был членом нескольких комиссий, членом партбюро и редактором стенной газеты.

— Командир считает, — продолжал замполит, — что вы сможете написать сценарий к празднику.

Дудов удивлённо посмотрел на замполита:

— Но, Альберт Семёнович, я никогда не писал сценариев.

Замполит ответил не сразу, сделав вид, будто о чём-то вспоминает:

— Но у вас ведь были литературные пробы?

— Когда это было! В юности. Парочка рассказов, которые затерялись в моих бумагах. А потом — служба...

— Мне кажется, у вас получится. У вас есть опыт, есть воображение, и потом... — замполит сделал паузу и закончил как-то виновато: — Кроме вас ведь некому.

Это была уже лесть, против которой молодой офицер не устоял.

— Ладно, — сказал он совсем не по-уставному, — давайте набросаем, какие у нас будут персонажи.

Когда Дудов после перекура вошёл в свою четырёхместную каюту, там отдыхал только командир турбинной группы. Они вместе заступали на вахту во вторую смену. Только турбинист — в свой турбинный отсек, а Дудов — на пульт управления главной энергетической установки.

Сосед по каюте приоткрыл один глаз:

— Ну, что от тебя хотел “зам”?

— Мне поручили написать сценарий к празднику Нептуна, — сообщил Дудов.

— Да... — протянул его товарищ и закрыл глаз, подтверждая тем самым естественность предложения, — всё равно больше некому.

А Дудов ещё полчаса не мог уснуть, обдумывая начало сценария.

Прошли сутки, в течение которых в голове Дудова рождались куски сценария, но он никак не мог сложить их в законченный ряд. Постоянно что-то отвлекало его: вахта, сон, еда, боевая подготовка, а главное — сослуживцы, с которыми он вынужден был общаться каждую минуту...

И вот только здесь, в реакторной выгородке, где не было никого и ничто ему не мешало, наконец-то сценарий окончательно сложился и приобрёл стройный вид. Теперь нужно было изложить его на бумаге.

Дудов удовлетворённо хмыкнул, пропел про себя “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”, аккуратно потушил сигарету и положил её в спичечный коробок. После чего, оглядевшись, вышел из выгородки, захватив с собой стульчик.

Реакторный отсек считается необитаемым. В нём можно находиться лишь кратковременно, для осмотра. Пост управления механизмами седьмого отсека находился в шестом. При повседневном расписании там нёс вахту один из спецтрюмных. Сейчас на посту сидели трое — вся команда, как и положено по боевой тревоге.

Когда появился Дудов, они попытались привстать, но командир отсека жестом остановил их. На подводной лодке разрешается сидеть в присутствии старшего. Команда спецтрюмных подчинялась ему только по боевой тревоге. С ними он проводил отработку борьбы за живучесть. С ними он должен был воевать и умирать во время аварии. Но когда они несли посменную вахту, они подчинялись тому, кто сидел за пультом управления главной энергетической установки.

— Меня никто не спрашивал? — обратился он к старшине команды, стройному, рассудительному казаху.

Тот отрицательно покачал головой.

Прошло некоторое время, но желаемой команды “Отбой боевой тревоги” не было. “Что-то случилось”, — подумал Дудов. В подтверждение этой мысли из динамика раздался взволнованный голос командира БЧ-5: “По местам стоять, торпедная атака!” Это было настолько неожиданно, что Дудов

даже растерялся. Но тут же взял себя в руки, посмотрел на подчинённых. Те вопросительно смотрели на него.

— Потренируемся, — успокоил их Дудов. — Наверно, забыли сказать “учебная”. Следите за приборами и выполняйте указания.

Более тревожно стало всем, когда, погрузившись на глубину 120 метров, выключили вентиляцию. В отсеке поднялась температура. Становилось душно. Кроме команды “Режим тишина, слушать в отсеках”, никакой информации из центрального поста не было. Тишина в отсеках и неопределённость действовали угнетающе. Все молчали и напряжённо осматривались по сторонам в поисках чего-то неизвестного. Ещё серьезней стала обстановка, когда лодка начала погружаться на глубину 220 метров. При тишине в отсеке было слышно, как потрескивает корпус лодки. Такое бывает при быстром погружении. Для лодки такая глубина считается безопасной и рабочей, но от этого не становилось спокойнее. На такой глубине ходили редко, от греха подалее. Дудов почему-то вспомнилось, как на одном из занятий по борьбе за живучесть подчинённые спросили его, что произойдёт с лодкой, если она провалится на глубину ниже предельной. Дудов тогда ответил просто: “Она будет похожа на пустую консервную банку, раздавленную ногой”. Сейчас эта картинка почему-то мелькнула у него в голове.

Из люка, ведущего на нижнюю палубу, показалась плотная фигура командира электротехнической группы. Он был старше Дудова на год и недавно получил капитан-лейтенанта. На шее у него висел индивидуальный дыхательный аппарат (ИДА). Широкое курносое лицо излучало оптимизм. Его всегда считали исполнительным и деловитым офицером.

— Внимание в отсеке, — объявил он. — Как командир шестого отсека, приказываю всем надеть ИДА. Маски не надевать, в аппарат не включаться.

Действительно, в данный момент, все в отсеке подчинялись ему. Так как седьмой отсек был необитаемым, Дудов с подчинёнными находились в шестом, на пульте управления механизмами реакторного отсека. Все без слов надели свои спасательные аппараты и как-то даже успокоились.

Дудов с командиром электротехнической группы прошлись по отсеку.

— Думаешь, нас спасут ИДА? — усмехнулся Дудов.

— Конечно, нет, — ответил его собеседник, — зато подчинённым спокойнее.

— Наверяд ли, — заметил Дудов.

Конечно, на такой глубине, если прорвёт хоть одну маленькую трубочку, бороться за живучесть будет бесполезно. Вначале — сильнейшая струя, распыляющаяся в туман. Затем — поток воды под огромным давлением. И через несколько минут весь отсек будет затоплен.

— Ты что-нибудь понимаешь в этой “войне”? — спросил Дудов сослуживца.

Тот помотал головой:

— А нам и понимать ничего не надо. Что считают необходимым, доведут до сведения, а что не скажут, сами узнаем. И мне кажется, “война” закончилась.

В этот момент из динамика раздался спокойный голос командира БЧ-5:

— Всплываем на глубину 120 метров.

Зашумела вентиляция, заработала система кондиционирования. Народ в отсеке повеселел. А через некоторое время раздалась давно ожидаемая команда “Отбой боевой тревоги”.

Лишь через сутки Дудов узнал, что же произошло.

Когда закончился сеанс связи, командир ходил по центральному посту. Лишь после доклада, что антенна на месте, он успокоился и сел в своё командирское кресло. Потом шифровальщик принёс радиограмму. В ней, кроме указания продолжать выполнение задания, было краткое сообщение: “В северной Атлантике, на атомной подводной лодке “К-19” произошла авария. Лодка всплыла. Принимаются меры к её спасению”.

Командир помрачнел. На флоте “К-19” прозвали “Хиросимой”. Она пережила уже несколько аварий. Теперь ещё одна. И помочь нельзя, хотя до места аварии не больше суток хода. Надо выполнять свою задачу. Размыш-

ления прервал голос акустика: “Товарищ командир, прямо по курсу цель”.

Командир вскочил с кресла:

— Надводная?

— Подводная. Предполагаю, атомная подводная лодка.

Дальше полетели команды: “Старпом, торпедная атака!”, “Механик, самый малый вперёд!”, “Боцман, погружаемся на глубину 120 метров!”

Для ракетной подводной лодки самое главное — это скрытность. Враг не должен знать ни места, ни времени ракетной атаки. Если же ты обнаружил чужую подводную лодку, значит, есть вероятность, что и тебя слышат. А это уже чрезвычайное происшествие. Значит надо уходить, отрываться от преследования. И всё время быть готовым к торпедной атаке — своей и противника.

— Пеленг, акустик?

— Меняется на корму.

— Дистанция?

— Максимальная.

Лодка медленно уходила на глубину. Командир уводил её под “слой скачка”. Так моряки называют слой воды с большей плотностью. Под ним субмарина может ускользнуть от гидролокатора. Акустические сигналы отражаются от “слоя скачка”, не достигая корпуса лодки.

Нырнув на глубину 120 метров, лодка притаилась. Самый малый ход, режим тишины, прослушивание океана. Но и цель замедлила ход, видно, тоже решила провериться. Теперь обе лодки были похожи на двух огромных морских животных — хитрых, сильных, хищных. Находясь в полной темноте на расстоянии в несколько десятков миль, они не могли видеть друг друга, но могли слышать. Изматывающая, напряжённая психологическая дуэль.

— Погружаемся на глубину 220 метров, — скомандовал командир.

Через некоторое время акустик доложил:

— Горизонт чист.

Теперь — полный ход, и быстрее уходить от контакта. Затем опять — малый ход. Прослушивание. Маневрирование глубиной и разными курсами. И так несколько раз. Наконец акустик в пятый раз устало доложил:

— Горизонт чист.

Игра “в прятки” закончилась. Что это была за цель — неизвестно, но то, что от неё избавились, можно было считать удачей.

Вероятные составляющие этой удачи Дудов услышал от командира дивизиона живучести.

Они сидели вдвоём в курилке и следили за струйками дыма, ускользающими в вентиляционное отверстие. У командира дивизиона живучести было интеллигентное лицо, чёрные вьющиеся волосы и тёмные влажные глаза. Он славился тем, что был в хороших отношениях со всеми в экипаже, от матроса до командира, и знал обо всём, что происходило на корабле.

Поглаживая тонкие усики и мягко улыбаясь, офицер изложил свои соображения:

— Во-первых, мы шли малым ходом на глубине 40 метров. Над нами следует океанографическое судно, которое нас прикрывает. Значит, оба наших шума могли принять за один. Во-вторых, цель была на максимальной дистанции, и мы к тому же быстро ушли под “слой скачка”. В-третьих, очевидно, эта непонятная цель куда-то спешила, и ей просто было не до нас.

— По всей видимости, — заключил командир дивизиона живучести, — она шла полным ходом к месту нахождения “К-19”.

Тогда никто и предполагал, что их лодку могут перепутать с аварийной.

Весть о том, что какая-то субмарина терпит бедствие в Северной Атлантике, быстро распространилась по посёлку, где живут подводники. Но не было известно, чья она и что там произошло.

Когда жена Дудова узнала об аварии, она сразу же связала её с той лодкой, на которой служил муж.

— Это пока только слухи, — успокаивал её друг Дудова. — Официальных сведений нет. Что там случилось, тоже неизвестно.

Жена Дудова кивала головой и молчала.

Но потом, когда все выяснилось, она долго плакала, глядя на двухлетнюю дочку, мирно спящую в своей уютной кровати.

А в это время Дудов с чувством выполненного долга нёс исписанные листы бумаги со сценарием замполиту.

Ещё через пару дней комиссия из пяти человек собралась в офицерской кают-компании. Командир сидел на своём обычном месте, в кресле, во главе стола на пять человек. Остальные места заняли члены комиссии. Замполит, не входивший в состав комиссии, расположился за столиком рядом.

Командир корабля, грузин, совершенно не походил на кавказца со своим круглым лицом, серыми глазами навывкате, курносом носом и рыжеватыми, слегка выощимися волосами. Небольшого роста, полноватый, он весь был какой-то округлый. Только тонкие усики и лёгкий акцент выдавали в нём жителя солнечной республики. Ему было под сорок, и по подводным меркам он считался уже старым для командира лодки. Но подводник он был хороший и в некоторых ситуациях даже лихой. Говорил командир размеренно, неторопливо, постоянно контролируя и сдерживая свой темперамент. Общаясь с подчинёнными, никогда не опускался до мата, чем грешили многие командиры кораблей.

Первая часть заседания прошла быстро. Единогласно одобрили сценарий. Приняли решение проводить праздник в кают-компании младшего командного состава, которую можно было преобразовывать и в гимнастический зал, и в кинозал, и просто в зал. Командир сообщил, сколько дней осталось до того, как лодка пересечёт экватор.

Во второй части заседания выбирали кандидатов в главные действующие лица.

“Нептуна” согласился играть офицер, член комиссии, “вечный” секретарь какой-нибудь парторганизации. По должности такой же “управленец”, как и Дудов. Его дородная, внушительная фигура как нельзя лучше подходила к этой роли. “Звездочёт” был “назначен” командир группы КИПиА, высокий, худой офицер, вечно чем-то недовольный и озабоченный. “Пираты” — два мичмана. Выбрали самых объёмных. “Чертей” будут играть несколько матросов.

Наконец, подошли к главному: кому дать роль “Русалки”?

Перебрали несколько вариантов и уже решили было остановиться на молодом матросе с нежным девичьим лицом, но тут раздался голос командира: — Это ответственная роль. Матрос с ней не справится. Здесь нужен офицер.

Члены комиссии в замешательстве смотрели друг на друга. Ничего толкового никому в голову не приходило. Командир продолжал:

— Я предлагаю на роль “Русалки” старшего лейтенанта Дудова.

Это было как гром среди ясного неба. Вначале все были ошарашены, но потом как-то быстро отошли. А ведь действительно, лучшей кандидатуры не найти. И как это мы раньше не додумались? Дудову некуда было деваться, пришлось согласиться.

Последний вопрос заседания был прост: каждый персонаж готовит свой костюм сам. Остальные члены экипажа, если будет необходимость, помогают. И установлен был срок готовности.

Весть о “Русалке” быстро распространилась по кораблю, и теперь Дудов часто ловил любопытные взгляды членов экипажа. Но офицер не обращал на них внимания. Он был занят изготовлением костюма. Корабельный доктор, русский крепыш в очках, великодушно предоставил в его распоряжение свою амбулаторию и пустующий изолятор. Вместе с офицером, назначенным на роль “Нептуна”, они соорудили для “Русалки” парик из пакли. Получилось неплохо. “Нептун” пообещал сделать груди. Тунику, короткое платье без рукавов длиной чуть выше колен, Дудов сам выкроил из “разовой” простыни и разрисовывал греческим орнаментом по подолу. Сшивал тунику “управленец”, лысоватый, меланхоличный капитан-лейтенант. Он был на два года старше Дудова и считался уже “старым” для этой должности. Сзади туники приделали хвост из того же материала, отделав его блестками. Добро-

вольные помощники преподнесли “Русалке” самодельные “греческие” сандалии с ремешками, которые завязывались крест-накрест до колен, и широкий пояс с большой пряжкой. Так как лодка делала переход с Северного флота на Тихоокеанский, у каждого были какие-нибудь домашние вещи. У кого-то нашлась французская губная помада. Как последний штрих, Дудов решил надеть чёрные очки.

Через несколько дней провели репетицию без костюмов, а затем — генеральную, в костюмах. Оказалось, что все участники будущего представления добросовестно выучили слова и были готовы к празднику. Командование осталось довольно.

Праздник Нептуна как традиция отмечается на всех кораблях, гражданских или военных, при пересечении экватора. Это весёлый и “мокрый” праздник. Каждый человек, пересекающий экватор, должен быть омыт морской водой. Можно в бочке окунуть или ведро воды на голову вылить, или из шланга окатить. На подводной лодке такой возможности не было, поэтому решили кропить моряков веником, предварительно смочив его в тазике с водой. Эту обязанность вменили “Русалке”.

Дудов в душе даже гордился своей ролью. Мало найдётся на подводном флоте офицеров, которые писали сценарии, единицы играли “Русалок”, и совсем не было тех, кто и писал сценарий, и играл эту роль. Его тщеславие было удовлетворено. Будет чем похвастаться лет через десять.

Наконец, настал день пересечения экватора. С утра корабль был в суете.

Все готовились к празднику. Начало было назначено на тринадцать часов.

После обеда столы и скамейки убрали, и кают-компания превратилась в зал. Половина её была отдана “Нептуну” и его команде, на второй половине столпились первые желающие окропления морскими водами. Личный состав двух свободных смен подтягивался в четвёртый отсек. Тех, кто стоял в это время на вахте, будут заменять на время, чтобы они тоже прошли процедуру окропления.

И вот из динамика зазвучали трубы, полилась музыка. В кают-компанию торжественно вошли “Нептун” в короне и с трезубцем, за ним “Звездочёт” в академической шапочке и со свитком под мышкой, потом “Русалка” в чёрных очках. Их сопровождали “свирепые пираты”. Кривляясь, запрыгали “черты”. Они внесли таз с веником и поставили его рядом с “Русалкой”.

“Нептун” вызвал командира, выслушал его и объявил своё решение. “Звездочёт” зачитал приказ “Повелителя морей”, и “Русалка” окропила командира водичкой.

Потом пошла вереница желающих. Почти два часа Дудов махал веником, пока не окропил последнего. Пришел черёд “чертей”, “пиратов”, “Звездочёта”, “Нептуна” и, в конце концов, самого себя. “Русалке” подарили бутылку шампанского. Началось фотографирование. Все хотели сфотографироваться с “Русалкой”. Вдвоём, втроём, групповой снимок... И каждый старался обнять её, а некоторые даже пытались положить руку ей на грудь. И когда уже очередь иссякла, подошёл командир.

— Сфотографируй меня с “Русалкой”, — сказал он замполиту.

Командир и “Русалка” одновременно улыбнулись в объектив.

После праздника Дудов ещё отстоял смену четыре часа, потом зашёл к доктору в амбулаторию. Туда же заглянул вездесущий командир турбинного отсека. Подошли “Нептун” и “Звездочёт”. Доктор открыл шампанское. Впятером они распили бутылку и пошли отдыхать. Праздник закончился.

Через три дня Дудова вызвали к командиру. Командир сидел в своей каюте. Перед ним лежал ворох фотографий. Вид у него был недовольный.

— Товарищ командир, старший лейтенант Дудов по вашему приказанию прибыл.

— Посмотри на это, — командир протянул ему фотографию. — Посмотри, что ты наделал.

Когда он был недоволен или взволнован, его грузинский акцент проявлялся сильнее.

Дудов внимательно рассмотрел фото.

— Хороший снимок. Прекрасно получились, товарищ командир.

— Нет, ты посмотри, что наделал, — настаивал командир. — Посмотри, где твои груди лежат!

Он сделал ударение на слове “лежат”.

И тогда Дудов понял. Грудь, которую сделал для него “Нептун”, была без лямок и в процессе махания веником все время опускалась. Дудов постоянно поправлял её, поднимая вверх, но к концу праздника устал и перестал обращать внимание на эту чисто женскую деталь. Грудь сползла и лежала на поясе. К несчастью, Дудов забыл её поправить, когда фотографировался с командиром. Получилось действительно неудобно. Все фотографировались с нормальной, высокой грудью, а вот командир — с отвислой.

— Виноват, товарищ командир, — бодро проговорил Дудов, — я готов перефотографироваться.

— Идите, — устало сказал командир, давая понять, что разговор окончен.

Дудов вернулся в каюту и рассмеялся. Хорошо, что в каюте никого не было.

Об этой неточности на фотографии ни он, ни командир никому не рассказывали. Все остальные, кто рассматривал снимки, этого не заметили.

Только жены потом подозрительно спрашивали: “Откуда это у вас женщина на корабле?” Мужья вначале таинственно улыбались, а потом говорили правду. Впрочем, женщины, в конце концов, и сами догадывались, разглядев хотя и стройные, но в меру волосатые ноги “Русалки”.

Дудову редко снились сны, но в эту ночь ему приснились пальмы и пологий песчаный берег. Наверное, потому, что, возвращаясь от командира, он встретил штурмана и поинтересовался:

— Где сейчас идёт лодка?

— На траверзе — Рио-де-Жанейро, — ответил штурман и добавил: — Самый лучший пляж в мире — Капакабана. Мулатки бродят по песку...

— А сколько миль до них? — допытывался Дудов.

— Шестьсот.

— Не повезло, — вздохнул Дудов.

— Кому? Тебе?

— Нет, — сказал Дудов и улыбнулся, — мулаткам.

Он спал спокойно, как и положено молодому человеку с устойчивой психикой. Впереди у него была вся жизнь.

А лодка продолжала свой путь на юг. У неё впереди были пролив Дрейка и Тихий океан. Она шла к берегам Камчатки, на свою новую базу.